

А. И. Жарова
Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург

О СИМВОЛИЧЕСКОЙ РОЛИ ИКОНЫ «ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ» В РОМАНЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО»¹

Аннотация. В данной статье осмысливается символическая значимость такой детали повествования, как икона «Введение во храм Пресвятой Богородицы». Уделяется внимание содержанию Ветхозаветного события, в котором обнаруживается его связь с центральной проблемой романа «Дворянское гнездо». Выявляется, как связана жизнь главной героини произведения с жизнью Пресвятой Богородицы.

Ключевые слова: русская литература, русские писатели, литературное творчество, иконы, символика, счастье, романы.

В произведениях классической литературы XIX века мы нередко можем встретить упоминания о посещении святых мест героями, о чтении Священного Писания, об их молитве перед святыми иконами. Обращение к религиозной православной символике в книгах связано, прежде всего, с мировоззрением авторов, для которых выписывание персонажей, их характеров неразрывно связано с верой. Безусловно, подобные отсылки не случайны, и возникают они в связи с преемственностью традиции. В частности, «икона занимала на Руси такое заметное место в церковной жизни, в православном быту, в русском искусстве, что это не могло не отразиться и позже – в художественной литературе XIX века» [Лепяхин, URL]. Тему иконы в своих

---

1 Работа выполнена под руководством доктора филологических наук, профессора кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета Натальи Викторовны Пращерук.

произведениях затрагивали многие, но И. С. Тургенев не входит в их число. Святые образы встречаются в творениях писателя, но, как правило, крайне редко и без акцентации. Внимательное прочтение романа «Дворянское гнездо» позволило заметить и выделить появление иконы в тексте. Упоминание святого образа, о котором мы скажем далее, было единожды, однако, весь текст в своей целостности позволил отдельно рассмотреть и осмыслить символическую роль иконы в романе. Начнем свое рассуждение с упоминания о главном конфликте произведения.

Проблема счастья и долга, как мы знаем, центральная для романа «Дворянское гнездо». В последующем рассуждении хотелось бы акцентировать внимание на решении проблемы в жизни главной героини – Лизы Калитиной.

В произведении Тургенева примирение между этими двумя категориями – счастья и долга – оказывается невозможным, выбором главной героини становится исполнение долга, в первую очередь – долга перед Богом: «Вся проникнутая чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нежно» [Тургенев, с. 120]. Лаврецкий остается в миру «пахать землю... и стараться как можно лучше ее пахать». А Лиза уходит в монастырь. Давая обеты целомудрия, нестяжания и послушания, она не подавляет себя как личность, как женщину; причина пострижения далеко не в том, что ее любовь оказалась несчастной (хотя с этим можно поспорить), мотивы героини глубоко духовного характера. Она счастлива, ибо любит, любит так, как завещал апостол Павел. ⁴Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, ⁵не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, ⁶не радуется неправде, а сорадуется истине; ⁷все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. ⁸Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится [1 Кор 13: 4–13].

К сожалению, на примере Лаврецкого мы явно видим, что «несоединимость счастья и долга» становится принципиальной (а следовательно – «неизбежность самоотречения») [Маркович, с. 143]. Но совсем с иной точки зрения воспринимает сложившуюся ситуацию Лиза. Несмотря на перенесенные страдания, она не видит трагедии, а наоборот, находит выход, делает решительный выбор. И он связан именно с выбором сердца, а не разума. Наличие

твердого стержня веры и упования на Божий промысел помогает героине смириться перед обстоятельствами, найти в себе силы для «самоотречения».

«— Кому меня прощать?

— Кому? Богу. Кто же может нас простить, кроме Бога.

<...> счастье на земле зависит не от нас...», «счастье зависит не от нас, а от Бога», — повторяет, как бы заканчивая свою фразу в одном из последних объяснений с Лаврецким, Лиза.

Первое прочтение романа, кажется, у многих оставляет в душе чувство грусти и недоумения. Д. И. Писарев, рассуждая в своей аннотации к произведению классика о позволительности чтения «Дворянского гнезда» девушками, отмечает следующее: «Рекомендовать его для чтения девицам трудно: в положении главных действующих лиц, в самой завязке романа много горькой жизненной истины» [Писарев, с. 61]. Но при всем этом, путь Лизы, бесспорно, озарен светом, именно это дает надежду на то, что счастье все же есть в жизни героев, счастье не в удовольствии от земных благ, а от духовных, небесных.

Первые мысль о будущем героини возникает на тех страницах романа, где Лаврецкий возвращается в Васильевское: «Вот я и дома, вот я и вернулся». Особое внимание притягивает одна небольшая, но существенная деталь, которую можно с первого раза после прочтения не заметить, а именно — икона Введения во храм Пресвятой Богородицы: «...у изголовья (кровати) висел образ Введение во храм Пресвятой Богородицы, тот самый образ, к которому старая девица, умирая одна, всеми забытая, в последний раз приложилась уже хладающими губами» [Тургенев, с. 65]. Данная деталь бросается в глаза особенно, поскольку мы привыкли к традиционному красному углу, где находятся образы Пресвятой Богородицы (чаще, Казанской) и Господа Вседержителя. В сцене же возвращения Лаврецкого в родную усадьбу мы встречаемся с необычным положением иконы в комнате, и сам образ нетипичен. Но все-таки что-то заставило хозяев Васильевского повесить у изголовья кровати Глафиры Петровны именно эту икону, к которой она приложилась на исходе жизни. Теперь стоит перейти к рассмотрению параллели между событием Ветхого Завета и проблемой романа, которая прослеживается довольно явно.

Для начала, стоит обратиться к содержанию и смыслу самого Праздника Введения, чтобы выстроить связь иконы с романом. Введение во храм

Пресвятой Богородицы – христианский праздник, основанный на поздних апокрифах. В Православной церкви принадлежит к числу двенадесятых праздников. Празднование приходит на 21 ноября (4 декабря по новому стилю).

«Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы по своей структуре напоминает чертеж многоярусного дворца. Историческая основа праздника – посвящение Девы Марии Богу по обету Ее родителей, святых и праведных Иоакима и Анны; символический и духовный план – мистика храма, значение его для христианина, посвящение человеческой души Богу, цель и смысл православного монашества.

Когда Деве Марии исполнилось три года, то Ее родители вместе с Дочерью, в сопровождении многочисленных родственников, пешком отправились из Назарета в Иерусалим. На рассвете третьего дня они приблизились к Святому Граду. Чудная картина открылась их взору. Храм на уступе горы Мория был похож на стоящий у пристани корабль с распушенными белоснежными парусами, казалось, что он готов подняться ввысь и поплыть по лазурному океану неба. Лучи восходящего солнца, отражаясь и искрсясь на золотых спицах купола, окружали Храм переливающимся призрачным облаком света, словно сияющим нимбом.

Навстречу паломникам вышел первосвященник, по преданию – праведный Захария, отец Иоанна Предтечи. Дева Мария, оставив родителей, быстро вошла по высоким ступеням Храма, не поддерживаемая никем, и обняла ризу первосвященника. Он взял Ее за руку и ввел в Храм, к изумлению священников и левитов – в алтарь, который назывался Святая Святых. Десять лет Мария жила при Храме. Душа Ее под его священными сводами сама стала живым Храмом Божества.

Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – больше, чем праздник Ее Рождества. Это день Ее духовного рождения. Под сенью ветхозаветного Храма вырос цветок Нового Завета – Дева Мария» [Карелин, с. 154].

Почему же Введение является таким значимым Праздником для человечества? Что сделало ему честь встать в один ряд с такими Праздниками Православной Церкви, как Рождество Христово, Крещение Господне, Преображение, Вознесение и т. д.? Довольно емко и трогательно смысл Введения выражен в слове на Праздник архимандрита Иоанна (Крестьянкина):

«С вхождением в храм Богоизбранной Отроковицы пришло время, когда благоволение Божие возвращается людям, и они приблизятся к Богу, как к своему Небесному Отцу, ибо Сын Божий – Сын Девы бывает, и благодать благовествует примирение с Богом, и вход на небо откроется всем, желающим неба» [Крестьянкин, URL]. Устремленность Марии всегда направлена вверх, она восходит в храм, не оборачивается на родителей, а сердцем и мыслями обращена к небу, к Богу. И окружение у нее соответствующее – ангелы, священство и девы. Поэтому, если бы не было Введения, не было бы Рождества и Пасхи.

Теперь же стоит остановить свое внимание на том, как в иконографии изображается праздник чистоты и света.

«В центре – Пресвятая Дева. Иконография праздника символически отображает торжественную процессию – сопровождение Пресвятой Девы в храм Божий» [Клюева, URL] благочестивыми родителями, девами и принимающего первосвященника, которые склоняют свои головы перед будущей Богородицей.

Также интересна цветовая символика, которая несет особый смысл, указывающий на предназначение юной Марии. «Традиционно принято изображать Богородицу в одеждах двух цветов: вишневом мафории (модификация красного цвета), синей тунике и голубом чепце. На мафории, как правило, изображаются три золотые звезды – как знак ее непорочности (“непорочно зачала, непорочно родила, непорочно умерла”) и кайма – как знак ее прославления. Сам плат – мафорий – означает Ее материнство, голубой (синий) цвет платья – девство» [Там же].

Итак, как связана проблема счастья и долга в романе с содержанием Праздника? Здесь особое место занимают фигуры родителей Пресвятой Богородицы – праведные Иоаким и Анна, которые сподобились радости деторождения в преклонном возрасте, вымоливши у Бога дочь. И вот – долгожданное рождение, радость, счастье, хвала Богу, чудесные дни материнства и отцовства, но, исполняя обет, данный Богу, они приводят свое чадо на воспитание в храм. В предании, кажется, отсутствует упоминание о частоте встреч родителей со своей дочерью, возможно, после Введения они не встречались более, но это неважно. Важно то, что, исполняя долг, они отвергли себя, своей воли, своего долгожданного счастья в пользу счастья

всего человечества: прошлого, настоящего и будущего. Для праведной четы даже не стояло проблемы выбора, они полностью положились на волю Отца Небесного и тем самым осчастливили себя и весь мир. Так же и Лиза Калитина не может преступить закон Божий, который является для нее первенствующим. Она с юных лет посвящала себя Богу, серьезных обетов не давала, но неотступно жила по Заповедям, что не давало возможности для нарушения ее целомудрия. Но душевный мир и стойкость героини был нарушен «ужасным» известием о возвращении Варвары Павловны: «Внезапный перелом в ее судьбе потряс ее до основания; в два каких-нибудь часа ее лицо похудело; но она и слезинки не проронила. “Поделом!”», – говорила она самой себе, с трудом и волнением подавляя в душе какие-то горькие, злые, ее самое пугавшие порывы». Но тут же она являет пример абсолютного смирения: «Долго стояла она перед дверью гостиной, прежде чем решилась отворить ее; с мыслью “Я перед нею виновата” переступила она порог и заставила себя посмотреть на нее, заставила себя улыбнуться» [Тургенев, с. 133]. Можно предположить, насколько тяжело ей было сделать этот шаг. Смирение и чистота Лизы – вот что еще связывает роман с Праздником, изображенным на иконе в Васильевском.

Помимо этого, особое внимание обращает на себя символическое число 3, которое может также служить звеном, связывающим жизнь Лизы и Богородицы. Как было упомянуто ранее, Мария жила с родителями до трех лет, конечно, за 3 года сложно воспитать в душе еще младенца благочестие, но посеять семя праведности – вполне. Достаточно вспомнить пример преподобного Сергия Радонежского, который уже в утробе матери творил чудеса и был постником. Тем более, Пресвятая Владычица с рождения своего была сосудом, наполненным добродетелями. В жизни Лизы Калитиной также был важнейший период, который продлился 3 года – это воспитание у няни Агафьи Власьевны, которая успела за такой короткий промежуток времени посеять в сердце юной героини семена любви к Богу, молитвенности, кротости и целомудрия. Это и стало впоследствии основанием решения героини уйти в монастырь.

Лиза Калитина сделала свой выбор, сменив шляпку с лентами на монашеский апостольник, комнатку в родном доме на келью, дворянскую жизнь на иноческий подвиг.

Список литературы

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – 2-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 671 с.

Архимандрит Рафаил (Карелин). Христианство и модернизм. – М.: Моск. Троиц. Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры РПЦ, 2010. – 464 с.

Клюева Ю. Иконография праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс]. URL: <https://eparhia-saratov.ru/Articles/ikonografiya-prazdnikavvedeniya-vo-khram-presvyatojj-bogorodicy> (дата обращения: 3.12.2018).

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) Слово на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Krestjankin/slovo-naprazdnik-vvedenija-vo-hram-presvjatojj-bogoroditsy/ (дата обращения: 2.12.2018).

Лепяхин В. В. Икона в русской литературе XIX века [Электронный ресурс]. // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2010. – Т. 1. – №1–2. URL: https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/ea3/Лепяхин%20В_187-207.pdf (дата обращения: 28.11.2018).

Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. – Ленинград: Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. – 208 с.

Писарев Д. И. Литературная критика: в 3 т. – Ленинград: Худ. лит., 1981. – Т. 1: Статьи 1859–1864 гг. – 384 с.

Тургенев И. С. Дворянское гнездо. – Петрозаводск: Карелия, 1982. – 311 с.